

Хо Линьфэн доел до рукояти меча и спросил:

— Господин, довольны?

Жун Лоюнь ответил:

— Хочу ещё посмотреть, как грудью разбивают камни.

«...» Это было уже слишком. Хо Линьфэн, пытаясь отвлечь внимание, протянул рукоять:

— Хотите попробовать?

Жун Лоюнь, немного поколебавшись, огляделся — в старом переулке никого не было, и, поддавшись желанию, наклонился, чтобы откусить кусочек от рукояти.

Один держал, другой жевал.

Несмотря на бурлящую толпу снаружи, они вели себя так, будто были одни.

Закончив, они собрались уходить, но старик-продавец поспешно сказал:

— Слишком много серебра.

Хо Линьфэн ответил:

— Проглатывание меча стоит дорого, это вам.

Он вывел осла из переулка и вышел на другую улицу. Медленно прогуливаясь, они купили еды, а затем в оружейной лавке приобрели кинжал, пока сумка не наполнилась всякой всячиной.

К закату они добрались до маленького храма Сяоданьсы, где монахи раздавали постные лепёшки. Люди выстроились в очередь, и в храмовом зале стало немного свободнее. Они воспользовались моментом, чтобы зажечь благовония.

В храме росло дерево для загадывания желаний, украшенное лентами с колокольчиками и деревянными табличками. На табличках писали свои желания, и чем выше они висели, тем больше шансов было на их исполнение. Ветер колыхал колокольчики, и Хо Линьфэн спросил:

— Господин, может, и мы напишем?

Жун Лоюнь кивнул, взял кисть, обмакнул её в чернила и написал на табличке одну фразу. Закончив, он вытянул шею, пытаясь разглядеть, что написал другой, но не смог. С любопытством он спросил:

— А что написал ты? Давай посмотрим?

Хо Линьфэн заколебался, но Жун Лоюнь уже протянул свою табличку. На ней было написано: «Дворец Буфань объединит мир».

Хо Линьфэн был в замешательстве, но с трудом выдал комплимент:

— Господин, вы стремитесь к великому.

В этот момент табличку вырвали из его рук. Жун Лоюнь поднял её и прочитал: «Что бы ни

случилось, маленький Лоюнь, не сердись на меня».

— Ду Чжун! — возмутился Жун Лоюнь. — Ты как смеешь так называть меня? Я уже сержусь!

Он ударил кулаком, раскачиваясь на верёвке, оставляя за собой звон колокольчиков.

Хо Линьфэн, получив удар, выхватил табличку, взлетел на дерево и поспешно повесил её. Жун Лоюнь смотрел на густую листву, но уже не мог найти ту дерзкую надпись. «Хм, как-нибудь ночью срублю это дерево», — подумал он, разозлившись, и повернулся:

— Хватит гулять, возвращаемся во дворец на пир.

Хо Линьфэн последовал за ним, а удар, полученный ранее, помог ему продержаться всю дорогу.

Закат сменился полумесяцем и звёздами, освещавшими гору Лэнсан.

Вернувшись во дворец Буфань, они увидели огни и шум на Платформе Мяоцан. Там жарили жирного барашка и поросёнка, а ученики всю пировали. Жун Лоюнь сел за стол, а главный ученик занял место рядом с господином, в то время как Хо Линьфэн сел напротив.

Дяо Юйлян подошёл:

— Второй брат, бедный ягнёнок умер так ужасно.

Жун Лоюнь ответил:

— Тогда не ешь.

Дяо Юйлян замолчал и ушёл к старшему брату. Хо Линьфэн, наблюдая за этим, срезал тарелку баранины и подошёл, чтобы подать её, затем сел на соседний стул.

— Господин, вы всё ещё сердитесь? — спросил он.

Жун Лоюнь взял палочки и пробормотал:

— Не сержусь, просто не хватает повода для примирения.

Хо Линьфэн тут же предложил повод:

— Господин, что ещё вы хотите поесть?

Жун Лоюнь вытер рот:

— Хватит, налей вина.

Небольшая чаша была наполнена до краёв, и он поднял её, чтобы произнести тост за всех учеников за столом. Сегодняшний пир был в знак благодарности за их труды. Он встал и обошёл столы, по очереди выпивая с каждым учеником. В конце он разбил чашу и взялся за кувшин, чтобы пить прямо из него.

Он обошёл всех главных учеников, кроме Хо Линьфэна.

Генерал Хо молча ел мясо, поверив в ложь о том, что господин не сердится.

Жун Лоюнь носился по платформе, переходя от стола к столу, выпивая полкувшина за раз.

— Братья, вы трудились, помогая пострадавшим в Ханьчжоу, я пью за вас, — сказал он, запрокинув голову и выпив ещё полкувшина.

Он открыл ещё один кувшин, и опьянение начало сказываться. Он поставил ногу на стул и продолжил:

— А ещё за поимку насильника, что смыл мою многолетнюю клевету и избавил народ от злодея. Я снова пью за вас.

Жун Лоюнь обходил столы, постепенно теряя контроль. Его лицо покраснело, глаза помутнели, но он становился всё более возбуждённым. Внезапно он пошатнулся и опёрся на край стола, опустив голову, чтобы прийти в себя. Ученики попытались поддержать его, но он оттолкнул их. Дуань Хуайкэ подошёл, чтобы помочь, но тоже был оттолкнут.

Он держал кувшин и бормотал:

— Я хочу выпить отдельно за одного человека.

Он бродил вокруг, пока не вернулся к своему первоначальному месту, медленно направляясь к Хо Линьфэну. Остальные с любопытством наблюдали, зная, что старший ученик Ду Чжун был «любимчиком», как будто смотря спектакль.

Жун Лоюнь остановился:

— Ду Чжун, я хочу выпить за тебя.

На глазах у всех Хо Линьфэн опустил взгляд:

— Чем я заслужил такую честь?

Жун Лоюнь, пьяный, ответил:

— У тебя есть достоинства и таланты.

Он схватил его за воротник, то приближая, то отдаляя, затем прошептал мягко:

— Ты ещё умеешь радовать меня.

Крепкое вино обожгло горло.

Вечерний ветер обдувал лицо, а опьянение стало таким же густым, как ночь.

Пир закончился, и люди разошлись. Ученики, обнявшись, вернулись в Зал Цяньцзи, а Дяо Юйлян, уснувший, был унесён Дуань Хуайкэ в их резиденцию. Второй господин, как и положено второму господину, шатаясь, добрался до Безымянной обители.

В нескольких шагах за ним следовал Хо Линьфэн.

Он вошёл во двор, затем в дом, прямо до кровати. Хо Линьфэн зажёл красную свечу, и её тусклый свет, мелькая, освещал румяное лицо Жун Лоюня. Тот сидел на краю кровати, поставив ноги на подставку, а руки аккуратно сложив на коленях.

Хо Линьфэн присел перед кроватью, встретившись взглядом с его ясными глазами. Он спросил:

— Господин, вы не пьяны, да?

Жун Лоюнь кивнул. Не притворяясь пьяным, он не мог сказать некоторых слов.

Хо Линьфэн спросил снова:

— Значит, сейчас вы не сможете сказать?

Он положил руку на колено Жун Лоюня, обхватив его кулак.

— Тогда я скажу.

Жун Лоюнь замер, но его зрачки дрожали, а сердце билось так сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Хо Линьфэн, держа его руку, сказал:

— За эти несколько месяцев я сделал много неожиданных вещей.

Ловил рыбу, собирал лотосы, делал фонари, мастерил воздушных змеев... Все эти мелочи вызывали смущение.

— Раньше я считал вас высокомерным, но теперь нахожу это милым. Раньше ненавидел ваши злодеяния, но теперь моё мнение изменилось.

Он продолжал:

— Я видел вашу слабость, смущение, резкость, наивность или неопытность. И всё это я запомнил.

Он отпустил руку и взялся за лодыжку Жун Лоюня:

— Я не уверен, что именно меня тронуло, потому что, когда я это осознал, каждая ваша сторона легко трогала меня.

Сняв шёлковую туфлю, Жун Лоюнь поставил ногу на плечо Хо Линьфэна, затем опустил её на грудь, следуя за его учащённым дыханием.

— Тронул вас, и что? — прошептал он, кусая нижнюю губу.

— И что же...

Хо Линьфэн ответил:

— Хочу видеть вас, говорить с вами, играть с вами, обманывать, если нужно. Хочу, чтобы я был для вас самым важным.

Даже если мы оба мужчины, даже если наши позиции противоположны, но чувства сильнее всего.

Он потерял голову, как мотылёк, летящий на огонь.

Жун Лоюнь спросил:

— Ты...

— Да.

Хо Линьфэн сказал:

— Я люблю вас, господин.

Присев на корточки, он устал, поэтому встал и наклонился, повалив Жун Лоюня на кровать. Он провёл рукой по шёлковому поясу, развязал его и обнял расслабленное тело Жун Лоюня. Тот лежал, уставившись на балдахин, опустив руки, растерянный, забыв обнять в ответ.

Хо Линьфэн спросил его:

— Господин, вы любите меня?

Он шевельнул губами:

— Люблю.

Никакого высокомерия, его подбородок кивал на плече Хо Линьфэна.

Через некоторое время Хо Линьфэн отпустил Жун Лоюня, глядя на его глаза при свете свечи. У Баоло были миндалевидные глаза, а у этого человека — в форме персикового цветка. И, в конце концов, он оказался настоящей драгоценностью.

Он взял лицо Жун Лоюня в ладони, склонился и прижался лбом к его лбу.

— В ту ночь, когда у меня был приступ холода, я укусил вашу шею, — прошептал он хрипло.

— После той ночи я мечтал поцеловать ваши губы.

Жун Лоюнь внезапно широко раскрыл глаза, сердце остановилось, а мозг загудел. Его тонкие губы были крепко поцелованы.

Горячие, мягкие, наполненные ароматом вина и желанием, они сжигали его, сминали, словно огненное дерево с серебряными цветами, нежно, как весенняя вода, отражающая облака... Он постепенно приходил в себя, обвивая руками Хо Линьфэна, отвечая на поцелуй, издавая тихие звуки.

Из уголка его глаза незаметно скатилась слеза.

Когда поцелуй закончился, Хо Линьфэн сказал:

— Господин, я больше не главный ученик.

Жун Лоюнь тяжело дышал, не понимая.

Хо Линьфэн улыбнулся:

— Теперь я буду вашим супругом.

Жун Лоюнь слегка приоткрыл губы, тяжело дыша, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Он смотрел на Хо Линьфэна, немного ошеломлённый, немного пьяный, словно находился во сне.

Хо Линьфэн вытер пот с его лба и спросил:

— Хотите пить?

Он кивнул, даже облизал губы. Только что признавшись в чувствах, сказав всю эту сентиментальную чушь, он вёл себя так неприлично. Конечно, взгляд генерала Хо стал то ярким, то тусклым:

— После поцелуя пить не должно хотеться.

<http://bllate.org/book/16167/1449352>